

Краеведение: вологодский период жизни Бориса Савинкова

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ посетитель мемориального комплекса Марии Ильиничны Ульяновой, несомненно, обратит внимание на необычный экспонат. Это так называемая филерская книжка — сложенная гармошкой книжечка фотографий карманного формата. Персонажи этой книжки — политические ссыльные Вологодской губернии, точнее те из них, кто требовал особого, тщательного и самого серьезного внимания со стороны полиции.

Длинный ряд застывших, мрачно-важных лиц, преимущественно молодых. Да разве придет кому-то в голову улыбаться полицейскому фотографу! Такое неестественное выражение лица бывает обычно у русского человека лишь в минуты непосредственного общения со своим государством. В этой казенной портретной галерее трудно кого-нибудь выделить, но в списке фамилий сразу же бросается в глаза одна — Савинков. Да, тот самый Борис Савинков — личность легендарная и героиче-

«Архипелаге ГУЛАГ». Тогда же распространяется и другая версия смерти нашего героя — Савинков по приказу правительства был убит на Лубянке (выброшен из окна во внутренний двор тюрьмы во время допроса). Но и это еще не все. Сначала за границей в среде русской эмиграции, а затем и в России появляются настойчивые слухи о том, что Савинков жив и что он на свободе. Видели его в Берлине, Париже, в других, более экзотических городах и странах.

Алексей Ремизов, многие годы близко знавший Бориса Викторовича и даже друживший с ним во время их совместного пребывания в Вологде, в своих мемуарах приводит два таких случая и трактует их вполне мистически: «Неспокойный дух его (Савинкова — Ю.Р.) ожесточенный не может подняться, он еще «рыщет» по земле».

Вологодский период жизни Савинкова (со 2 февраля 1902 по 9 июля 1903 года) в литературе нигде почти не опи-

так: «...Меня тянет на простор, на волю, без оглядки и «что хочу», а не то, «что надо», — по своей воле и пусть в темную, но отвечаю сам за себя. И когда об этом я высказал Савинкову, он заострил:»

— А вы знаете, какое место вы займете в социалистическом государстве? Я слушал.

— Ваше место в катажке, — продолжил он еще резче, — там и развяжите ваше «что хочу».

Кстати, Савинков почти угадал. Писателю Ремизову в «социалистическом государстве» места не нашлось (даже в катажке!).

Впрочем, такие негативные моменты возникали крайне редко, да и торжественные звуки идущей за стеной католической мессы; ненавязчиво напоминающая о вечном, сглаживали остроту критических ситуаций.

Многочисленные источники свидетельствуют, что авторитет Савинкова в колонии вологодских ссыльных был не-

части вологодской колонии. Сам же Савинков связывал свой переход в Вологодскую партию со встречами в Вологде осенью 1902 и весной 1903 г. с «бабушкой русской революции» Е.-К. Брешко-Брешковской. Сейчас уже можно с уверенностью сказать, что не только роковое решение Савинкова о «террорной работе» было принято в Вологде, но что именно здесь разрабатывалось, пока еще в общих чертах основная акция боевой организации — убийство московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Об этом свидетельствуют, правда, косвенным образом, воспоминания Савинкова и близких к нему людей, а также тот факт, что в группе непосредственных исполнителей были два вологодских друга Савинкова — И. Каляев и Б. Моисеенко. Каляев был схвачен полицией на месте преступления и вскоре судим. Борис Викторович, руководивший всей операцией, желая хоть как-то помочь другу, а также придать

РЕВОЛЮЦИОНЕР?

ПРЕДАТЕЛЬ?

УБИЙЦА?

ческая, злоедающая и смутная... «Выдающийся революционер, негнбимый борец за свободу народа», — скажут одни. «Профессиональный убийца, холодный циник с диктаторскими замашками», — возразят другие. «Предатель светлых идеалов русского освободительного движения, политический авантюрист», — добавят третьи. Парадоксально, но все они будут по-своему правы, потому что это действительно было — и рискованная революционная работа, и убийства первых лиц государства, и смена политических ориентиров.

Трудно давать объективный портрет Савинкова сегодняшним историкам, трудно было понять Савинкова и его современникам. Вокруг личностей такого типа и масштаба неизбежно возникает и некий ореол, еще более затуманивающий истину. Даже смерть этого человека не могла быть обычной.

Как один из лидеров белого движения, Савинков арестован в Советской России и 24 августа 1924 года приговорен к расстрелу. Это не удивительно, так как в те годы подобный приговор можно было получить и за гораздо меньшую вину перед большевиками, не говоря уже о расстреле без всякого суда и следствия. Удивительно другое — через пять часов после оглашения смертного приговора Савинкову вручают постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, исходя из которого высшая мера заменяется десятью годами тюрьмы. Есть серьезные основания полагать, что это решение принято заранее.

Но удивительное на этом не кончается — в мае 1925 года в газетах появляется сообщение о самоубийстве Савинкова. Эта официальная версия уже в те годы подвергалась сомнению, чем, кстати, пишет и Солженицын в

сан. Это естественно, поскольку в то время Савинков был еще мало известен в кругах революционеров, да и жизнь его в Вологде протекала по большей части тихо и однообразно. Всего вероятнее, это было самое спокойное время в жизни нашего героя.

Устроился Борис Викторович в Вологде очень неплохо, даже с некоторым комфортом — в доме, примыкающем к католическому костелу на улице Галкинской, а позднее, после неприятностей с соседями, переехал в дом вологодского помещика А. В. Козина. Вскоре к нему приезжает его жена Вера Глебовна (дочь писателя Глеба Успенского) с маленькой дочерью Таней.

В доме была спокойная семейная обстановка, красавица жена, которую Борис Викторович, судя по его дневниковым записям, в то время любил по-юношески беззаветно, очаровательная умница дочь. Здесь любили гостей, царил праздничный атмосфера, полный материальный достаток.

Гостями, как свидетельствуют отчеты агентов, занимавшихся наружным наблюдением, были свои товарищи-ссыльные — Ремизов, Бердяев, Рабчевский, Жданов, Кудрявый, Белозеров, Щеголев. Последний в то время, когда у него возникли квартирные трудности, даже жил у Савинкова. Застолья сменялись тихими философскими беседами, а то и острыми политическими спорами.

Полного взаимопонимания, конечно же, не было. Мемуаристы отмечают некоторые «настораживающие моменты» например, слегка снисходительное, с едва заметным оттенком пренебрежения отношение Савинкова к Ивану Каляеву или вспышка идеологической агрессивности по отношению к Ремизову. Последний этот эпизод описывает

обыкновенно высок. И это несмотря на то, что в те времена здесь жили А. Луначарский, А. Богданов, Н. Бердяев.

Уважительно относилось к нему и губернское начальство. Когда у писателя Ремизова истек срок проживания в Вологде (предоставленный для лечения глаз) и ему нужно было возвращаться к изначальному месту отбывания ссылки в Усть-Сысольск, хлопотать за товарища взяла именно Савинков. Положение усугублялось еще и тем, что недавно вступивший в должность полицмейстер был настроен весьма решительно и никакого внимания не обращал на медицинское свидетельство из Кушиновской психиатрической больницы. Отметим в скобках, что это выбивалось из вологодских традиций. Обычно справки из Кушинова, подписанные Малиновским, действовали безотказно и очень многим ссыльным облегчали жизнь (начальство, конечно же, не могло не понимать истинного значения этих «свидетельств»).

Трудные переговоры увенчались полным успехом. Губернатор Князев согласился оставить Ремизова в Вологде, но с условием, что кроме полицейского надзора будет за ним и «товарищеский присмотр». Последний, кстати, возлагался на Савинкова. Алексей Ремизов, вспоминая эту историю, акцентирует внимание на поведении своего ходатая: «...Пан Савинков со своей варшавской изысканностью выразил губернатору благодарность и за прием, и за мудрое решение по делу их душевно-большого товарища».

В Вологде началась эсеровская карьера Савинкова (до этого он был социал-демократом). В смене политических ориентиров главную роль сыграли внутренние мотивы, так сказать, «романтические струны души». Но нельзя не учитывать влияния эсеровской

Он начинал социал-демократом, а стал одним из лидеров белого движения.

судебному процессу выгодно общеполитическую окраску, поручает защиту Каляева своему давнему знакомому В. Жданову, талантливому вологодскому адвокату, сочувственно относившемуся к эсеровской программе. Политический эффект был достигнут, но друга спасти не удалось.

С Вологодой связано и начало писательской карьеры Савинкова. В книге воспоминаний А. Ремизова «Иверень» их совместное с Савинковым «вступление в писатели» описано таким образом: «И вдруг неожиданно с вечерним поездом из Ярославля Иван Платонович Каляев: в редакции «Северного края» получен из Москвы «Курьер» — 8 сентября 1902 г. и в этом праздничном номере (Рождество Богородицы) — Смотрите! — Каляев торжествовал. Он широко развернул газету, и в глаза ударило — электричеством: «Эпиталама» (...) Николай Молдаванов, а ниже рассказ Канина «Терновая глушь».

Здесь необходимы некоторые пояснения. Николай Молдаванов — это псевдоним Ремизова, а Борис Канин — псевдоним Савинкова, образованный от имени дочери Тани (в детском произношении «Кани»). Но прославиться писателю Савинкову суждено было под другим псевдонимом — В. Ролшин. К сожалению, литературой Борис Викторович занимался мало и несерьезно, поскольку все время и все силы его занимала реальная политика, точнее, борьба за абсолютную политическую власть в России. Но в этой борьбе удача была не на стороне нашего героя.

История справедливо не признает со-слагательного наклонения. Но если на минуту предположить, что Савинков победил бы в той большой политической игре, то придется признать, что от этого мало бы что изменилось. Просто в России был бы другой диктатор.

Ю. РОЗАНОВ.